

вал ереси их? Или бы не от книжного писания говорили, никто бы не послушал их».⁷⁰

Первым литературным выступлением против стригольников является послание константинопольского патриарха Нила — ответ на дошедшие до него вести о наличии ереси в Новгороде и Пскове. Привезенное в эти города суздальским архиепископом Дионисием в 1382 г., «Послание» посвящено в сущности только одному вопросу, но вопрос этот, с точки зрения ортодоксальной догматики, имеет первостепенное значение. Как известно, еретики объявили всю церковную иерархию неправовой, еретической, на том основании, что поставление в церковный сан совершается «по взде», к чему сверх того присоединяется и общее недостойнство священников: невежество, пьянство, обжорство и т. п. В себе самих еретики видели поборников благочестия, единственно правочерных блюстителей священных канонов. Но не сами по себе эти обвинения повергают патриарха в «болезнь и печаль». Суть вопроса для него заключается в том, что от недоброкачественности духовенства стригольники перебросили мост к самой идее непогрешимости церкви, в чем они усомнились и тем нарушили самый принцип правочерности, «соборной» церковности.⁷¹

Призыв Нила отказаться от «раздоров» и «разлучений» и совокупиться с прочим «церковным чином», очевидно, не оказал желаемого воздействия, если уже через четыре года, в 1386 г., архиепископу Алексею пришлось обратиться к новому авторитету, на этот раз к русскому прославленному проповеднику, ученому мужу, Стефану Пермскому. Последний находился в это время в Новгороде, где, может быть, имел возможность лично встречаться с еретиками. Накаленная атмосфера борьбы с ересью, существовавшая в этом городе, возможно, сообщила его посланию ту гневную страстность и нетерпимость, которые отличают его от примирительного тона послания константинопольского патриарха. Стефан Пермский уловил самую суть разногласий между еретиками и церковниками, противопоставив «разумность» познания первых априорной «вере» вторых. Он выразил это в образных символах, свойственных мышлению людей его времени; как Адам в раю, соблазненный дьяволом, предпочел плоды «древа познания» плодам «древа жизни», так и стригольники, прельщенные дьяволом, отвергли таинство причащения — «древо жизни», предпочтя ему «почитание книжное» — «древо познания».⁷² В отказе стригольников от центрального таинства церкви Стефан Пермский, подобно патриарху Нилу, видит неизбежный, с точки зрения христианского ортодокса, результат — духовную смерть: «Тати и разбойницы убивают человека оружием, а вы, стригольницы, убиваете человека разумною смертию».⁷³ Из аргументации Стефана с ясностью вытекает, что стригольники отвергали причащение не потому только, что оно подавалось недостойными священниками, но и потому, что вообще не верили в таинство евхаристии — «стригольник же противно Христу поведывает от древа животного, от причащения удаляться».⁷⁴

Таким образом, стригольники, по мнению Стефана Пермского, выступали против Христа («противно Христу») и отвергли установленное им таинство, не признавая за ним действительной силы. Логический вывод отсюда может быть только один: в представлении стригольников Христос

⁷⁰ См.: там же, Приложение, стр. 242.

⁷¹ См.: там же, стр. 232, 233.

⁷² См.: там же, стр. 236—238.

⁷³ Там же, Приложение, стр. 239.

⁷⁴ Там же, Приложение, стр. 237—238.